

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И.А. БУНИНА»

**М.М. ПРИШВИН В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ**

**МАТЕРИАЛЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

3-4 февраля 2023 года

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА «ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА»

которую сохранил русский Север, чистоты и красоты русских храмов, глубокой веры, простоты и наивности русского человека.

Список литературы

1. Борисова Н.В. Жизнь мифа в творчестве М.М. Пришвина / Н.В. Борисова. – Елец, 2001.
2. Нива Ж. Возвращение в Европу / Ж. Нива. – Москва, 1999.
3. Панарин А. Православная цивилизация в глобальном мире / А. Панарин. – Москва, 2007.
4. Пришвин М. Собрание сочинений / М. Пришвин. – Т. 1. – 1982.
5. Теребихин Н.М. Лукоморье: Очерки религиозной географии и маринистики Северной России / Н.М. Теребихин. – Архангельск, 1999.

Н.А. Меркурьева

*Орловская областная научная универсальная
публичная библиотека им. И.А. Бунина*

КРЕСТОНЕСЕНИЕ ЛЮБВИ: ОБРАЗ ЛЯЛИ НА СТРАНИЦАХ «ВОЕННЫХ» ДНЕВНИКОВ М.М. ПРИШВИНА

В предлагаемой статье на материалах Дневника М.М. Пришвина 1941-1945 гг. рассматривается проблема преодоления войны как феномена, враждебного человеческой свободе, силой любви. Любовь воспринимается как сила рождающая и утверждает образ Ляли (Валерии Дмитриевны Пришвиной). Война преодолевается любовью, которая понимается как совместное крестонесение.

Ключевые слова: М.М. Пришвин, Ляля, крестонесение любви, война.

N.A. Merkuryeva

*Oryol Regional Scientific Universal
Public Library named after I.A. Bunin*

THE KRESTONESENI OF LOVE: THE IMAGE OF LYALI ON THE PAGES OF THE "MILITARY" DIARIES OF M.M. PRISHVIN

In the proposed article, based on the materials of M.M. Prishvin's Diary of 1941-1945, the problem of overcoming war as a phenomenon hostile to human freedom by the power of love is considered. Love is perceived as a generative force and is confirmed by the image of Lyali (Valeria Dmitrievna Prishvina). War is overcome by love, which is understood as a joint cross-bearing.

Keywords: M.M. Prishvin, Lyalya, krestonesenie lyubvi, war.

Зимой 1939-40 года М.М. Пришвин начинает писать Дневник любви. «Люди миллионами безвинно томятся и умирают в тюрьмах, ссылках, лагерях. Над миром нависла черной тучей война. В это страшное небывалое время встречаются двое, и из их встречи рождается любовь» [1, с. 5].

Кажется неслучайным событием встреча М.М. Пришвина и Ляли (Валерии Дмитриевны) прямо накануне войны. Появление в своей жизни чаемой возлюбленной писатель принимает как движение любви, которой только и по-

стигается сила «рождения». Именно эта созидательная от начала сила способна приблизить победу; она и есть содержание личности. «Рождение» и производство тем отличаются одно от другого, что первое невозможно без личности, а для производства довольно отличника», – замечает писатель [3, с. 10]. Творящая личность, являющаяся центром всей философии М.М. Пришвина, остро переживает потребность выхода к Другому. Потому поиски Друга становятся определяющим вектором жизненного пути писателя, давно и безнадежно вглядывающегося в лица, напряженно говорящего с самим собой. Здесь крайне уместным оказывается бахтинский образ «человека у зеркала», утверждающий неистребимое желание диалогизировать, в том числе с собой как с другим («Из моих глаз глядят чужие глаза», М. Бахтин). Бесчисленные вариации темы у Л. Толстого, Ф.М. Достоевского, С. Есенина, А. Ахматовой и далее по списку только подтверждают идею М.М. Пришвина об основной потребности личности, которая констатируется поиском со-беседника, со-участника, со-работника – Другого.

Почему именно война заставляет с новой силой задуматься о феномене «рождения» как преимуществе личности? Собственно, потому, что преобладанием созидательного личностного начала преодолевается война. Преодолевается и физически, и ментально. Претензия «обойтись одними стахановцами (отличниками)» владеет немцами, которые попытались заменить производством «рождение», значит, их потуги обречены. Подтверждение обреченности – в емкой пришвинской метафоре, звучащей записью от 23 января 1944 года: «Ночью текло с крыш. Так небывалыми морозами началась война и кончается сиротской зимой: очень крепко немцы начали и теперь растекаются в грязь» [3, с. 21].

М.М. Пришвин убежден, что созидание – принципиальное условие любви. Война и любовь должны одинаково восприниматься как совместное крестонесение. Крестонесение любви оказывается в непреложной связи с принятием общего Голгофского движения человека. Когда Господь указывает: «Возьми крест свой, и следуй за мною», Он, по убеждению М.М. Пришвина, укрепляет и на последовательное воздвижение здания Любви. И в этом случае страшнее всего для писателя, изменив себе, оставить крест, на котором он сораспинается с Лялей, страдающей страной, миром.

Война не сразу принимается как совместный путь, возможный к преодолению силой любви. В одной из дневниковых записей появляется интересная метафора: отдыхающие на кресте люди-птицы – по правую и по левую сторону. «Не мы с Лялей, – замечает М.М. Пришвин, - не муж и жена» [3, с. 49]. Здесь очевидна демонстрация разделения вертикалью креста, а значит, отрицание совместного освященного крестом действия. В простроенной писателем композиции особенно важными оказываются фигуры птиц, которые довольно однозначно трактуются в традиционной народной культуре. Образ птицы выглядит парафразом человеческой души и множится литературными реминисценциями. Вспоминается, к примеру, рассказ Виктора Зайца «Птица-дедушка», в котором очень по-пришвински звучит тема смерти как творчества, а дедушка, возвра-

шающийся из иного мира птиц, наставляет внука, расположившись на кладбищенской ограде, в пределах которой, конечно, крест. Устойчивое фольклорное сочетание «крестное дерево» в художественном пространстве коррелирует с христианской символикой. И в пришвинской поэтике мы видим явное пересечение, в том числе в анализируемом эпизоде: птицы, отдыхающие на дереве, в результате метаморфозы превращаются в уставшие души, противоположенные на кресте. Состоявшееся сочетание на кресте утверждается гимном Ляле: «Христос рождается прямо от Духа... И если наука возражает чуду по причине... то что стоит это возражение, если причинная связь пересекается перпендикулярно линией связи беспричинно-любовной (крест)... Только вспомни, сколько, начиная с «Фацелии» я создал страниц о тебе!» [3, с. 37].

Трагедия происходящего, тем не менее, вовсе не нивелируется присутствием Ляли. Свидетельством вселенской катастрофы становится отсутствие радости от встречи с природой. Так, сердце человека, уязвленное непомерными людскими страданиями во время войны, оказывается безучастным по отношению к тому, что раньше волновало. В дневнике 1941 года читаем: «Заря желтая, холодная, не покрытая снегом земля зябнет, и даже любимые зубчики леса, расположенные пилкой на фоне зари, не говорят ничего моему сердцу» [2, с. 403]. Вина за нарушение гармонии в мире безусловно ложится на плечи человека, отпавшего от Бога и погрязшего в грехе. «Сильный холодный ветер, небо в тучах, слегка подморозило. Кажется, будто человеческие бедствия вошли внутрь природы и мутят ее оттуда, как у нас в Москве, голод, холод, болезни» [2, с. 420].

1944 год с его сияющим апрелем богат иными размышлениями. 14 апреля, к примеру, писатель скупко констатирует: «Одесса нами взята». Но тут же прорывается радостью близящейся «весны воды», символизирующей неизбежность движения, в том числе, к победе. А продолжается все радостью Ляли, светом принимающей «церковные напевы» («Егда праведные ученицы») и следующим за ней собственным душевным переживанием «радости природы». «И думаю, – идем вслед за писателем, – что наше чувство природы... включено в церковную службу» [3, с. 71].

Последняя мысль очень важна в контексте военных размышлений М.М. Пришвина. Посреди хаоса катастрофы, трагедии гибели, бессмысленной жестокости немецких «отличников» фашизма включенность в природу, как в церковную службу, способность почувствовать Его присутствие и обещание надежды – редкое счастье и благословенное умение. Естественным образом соединение природы и Храма в природу-Храм (в самом православном смысле) происходит через женщину, с женщиной, с Лялей. «На страстной неделе в тумане открылась река, и я увидел, что лед черный, грязный сбит к берегам, а посередине издали плывут льдинки белые, и на них чайка.

Это была моя первая птица, и я ей очень обрадовался. В этот же день в церкви пели «Се жених». Я пришел домой и сказал Ляле:

– В церкви был, слышал «Се жених».

Как она обрадовалась.

И чайке моей радовалась, но только, мне показалось, это была у нее радость от меня: мне хорошо, и ей хорошо. Но «се жених» - это для себя, как у меня для себя чайка» [3, с. 79].

Высота чувства природы, чувства присутствия в человеке Бога в Дневниках настойчиво противопоставляется глухоте рациональных «отличников», поставивших выше закона личности закон расовой целесообразности, того, что не может быть совмещено ни с гениальной прозорливостью, ни с откровениями Духа. И на вершине этой зыбкой пирамиды стоит Гитлер. «Главное, - рассуждает писатель, - даже не в таланте, он есть, несомненно, какой-то талант счета, считал гениально, и что же делать, это бывает: раз просчитался. Главное – в его личности нет чар за пределами немецкой законности. Он похож на растение, которое от земли не поднимается и не цветет» [3, с. 208]. Ботаническая пришвинская метафора не кажется плоской, напротив, отсылает к образу бесплодной библейской смоковницы, лишенной, в определениях писателя, силы «рождения».

М.М. Пришвин не допускает потери живого (личного) человека. Счастливым выводом сквозь ужасы войны становится абсолютное убеждение, что «русский при всех своих государственных и общественных невзгодах остается личностью. Даже и сквозь коммунизм русский пронесет свое особенное лицо» [4, с. 34]. Воскресение этого живого человеческого лица автор пронзительного Дневника празднует с торжеством Пасхи и великого дня победы. И мертвых писатель воспринимает как живых, не находя в этот день возможности их оплакивать, но только ликовать о них. «9 мая. День победы и всенародного торжества. Все мои мысли неясные о связи живых и мертвых, поэтические предчувствия, все, все это, чем мучится душа, разрешается в двух словах: «Христос Воскрес!» Всем, чем ты мучаешься, Михаил, этим и раньше мучились люди и разрешили твои вопросы: «Христос Воскрес!» [3, с. 520].

Но вернемся к тому, с чем М.М. Пришвин переживает время войны и страдания. С образом женщины, возникающим в его художественном пространстве и воплощенном в жизнь.

Женские образы М.М. Пришвина многолики и обычно соотносятся с лицами реальных женщин. От Варвары Измалковой к более чем тридцатилетней своей спутнице Ефросинье Павловне писатель движется постижением роли женщины, её созидательной природы. Однако метафизическое одиночество в ожидании Друга, то, что звучало безмолвным «Приди!», было разорвано только с появлением в жизни М.М. Пришвина Валерии Дмитриевны Лебедевой. В Ляле сошлись все мыслимые женские ипостаси: подруги, жены, матери. Через Лялю писатель по-настоящему постиг образ Богородицы.

И в Богородице, и в земной женщине М.М. Пришвин акцентирует материнство. Вообще, у писателя происходит вполне очевидное разделение женщин на матерей и тех, кто остается в вечной поре девичества. Всегда девой приходит в воображении Алпатова Варвара Измалкова – Инна Ростовцева («Кашеева цепь»), холодная и чужая. «Птичкой» порхает по жизни Милочка («Повесть нашего времени»), всегда веселая, всегда ласковая, одинаково добрая ко всем.

Содержательно иными предстают образы Марьи Моревны, Маши Улановой, Анны Александровны Старовой, мирской няни Марии Мироновны, героических женщин, спасающих от ужаса обрушившегося одиночества ленинградских детей. Все они не всегда физически, но всегда по сути – матери.

Невозможно не заметить, что в восприятии М.М. Пришвина образ Анны Александровны Старовой («Повесть нашего времени») напрямую коррелирует с образом Богородицы. Героиня, глубоко запрятав свое собственное горе, становится покровительницей и утешительницей всех обездоленных войной женщин. Жест крестного знамения, столь неестественный для «перелетной птички» Милочки, применительно к Анне Александровне Старовой выглядит совершенно органично и остается навсегда жестом благословения всем живущим и ушедшим. Наконец, довершение возникшей ассоциации – прорисовывание иконы Скорбящей Богоматери, символизирующей святость материнства.

Размышления о Ляле, физически не познавшей материнство, пересекается с утверждением его величия и победы женщины в обстоятельствах разрушения и торжествующей смерти. По сути Богородичное в женщине – единственное, по мысли писателя, что остается движущей силой жизни.

«Сегодня мы пришли в бор, я положил голову свою ей на колени и уснул. А когда проснулся, то она сидела в той же позе, когда я засыпал, глядела на меня, и я узнал в этих глазах не жену, а мать...» [4, с. 459], – читаем в «Незабудках». Ляля, на коленях которой бережно покоится голова любимого, ничуть не менее глубоко и нежно рисуется писателем, чем великая в своей материнской скорби и радости Анна Александровна. Материнство Ляли здесь несомненно, и рифмуется с еще одним пришвинским эпизодом из Дневника 1945 года. М.М. Пришвин изображает блаженного Андрея, который, попав на небеса, не нашел там Богородицу. На желание Андрея увидеть Пречистую ангел отвечает, что Царица Небесная сейчас на земле, утешает скорбящих. Ляля в позе Матушки-Заступницы всех труждающихся и обремененных – очевидный иконный парафраз. Именно Лялей, силой ее материнских любящих рук преодолевается война.

Список литературы

1. Пришвин М.М. Мы с тобой. Дневник любви / М.М. Пришвин, В.Д. Пришвина. – Санкт-Петербург: Издательство Росток, 2003. – 256 с.
2. Пришвин М.М. Дневники. 1940-1941; подгот. текста Я.З. Гришиной, А.В. Киселевой, Л.А. Рязановой; статья, коммент. Я.З. Гришиной. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 880 с.
3. Пришвин М.М. Дневники. 1944-1945; подг. текста Я.З. Гришиной, А.В. Киселевой, Л.А. Рязановой; статья, коммент. Я.З. Гришиной. – Москва: Новый хронограф, 2013. – 944 с.
4. Пришвин М.М. Незабудки // Пришвин М.М. Весна света. – Москва: Жизнь и мысль, 2001. – С. 319-568.